

На правах рукописи

Журавлев Сергей Александрович

**ИДЕОЛОГЕМЫ И ИХ
АКТУАЛИЗАЦИЯ В РУССКОМ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

10.02.01 Русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2004

Работа выполнена на кафедре иностранных языков государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Марийский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Липатов Александр Тихонович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Галиуллин Камиль Рахимович

кандидат филологических наук, доцент
Виноградов Сергей Николаевич

Ведущая организация: государственное образовательное учреждение
«Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»

Защита состоится 26 апреля 2004 в 9 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г.Казань, ул. Кремлевская, 18, корп.2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _марта 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.филол.н., доцент

А.В. Шарипова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблема взаимоотношения идеологии и языка давно находится в центре внимания лингвистов. В первую очередь этот интерес вызван стремлением ученых разобраться в том, в какой мере языковые средства способны выступать в качестве идеологического орудия и какие именно средства языка в этом плане наиболее эффективны.

В ходе социолингвистических исследований были определены особенности взаимодействия идеологии и языка, указаны средства речевого воздействия, отмечены процессы идеологизации и деидеологизации русской лексики, проанализированы аспекты стихийного и сознательного влияния идеологии на язык и т.д. (труды А.М.Селищева, А.А.Баранникова, Р.О.Шор, Ю.Д.Дешериева, А.А.Леонтьева, Л.П.Крысина, Т.Б.Крючковой, В.Г.Байкова и др.).

По достоинству оценивая производимый идеологический эффект, многие исследователи создают яркие образные выражения применительно к различным языковым его реализаторам (ср.: лингвистика лжи (Вайнрих 1987); «деревянный язык» (Seriot 1985); тоталитарный язык (Вежбицка 1993); демагогический текст (Ромашов 1995); “лингвистическая демагогия” (Николаева 1988); манипулятивная семантика (Байков 1988); семантическая диверсия (Современная... 1984); семантический терроризм (Кара-Мурза 2003) и т.п. Трудно сказать, насколько правомерно давать подобные характеристики как самому языку, так и отдельным его средствам, но факт остается фактом: именно язык служит главным транслятором идеологически значимых текстов, а следовательно, с помощью именно его внутреннего механизма происходит основной процесс информирования либо дезинформирования человека и общества.

Одним из главных источников, призванных служить координатором в решении спорных вопросов речепотребления, является толковый словарь. Однако выясняется, что и лексикографический план содержания нередко оказывается тенденциозен, вследствие чего языковая (и прежде всего семантическая) информация может включать в себя идеологически обусловленные компоненты смысла. Именно поэтому экспликация лексикографического содержания предполагает наличие лингвокультурологической или лингвоаксиологической компетенции носителя языка, помогающей ему верно сориентироваться в концептосфере словаря.

В настоящем исследовании ставится вопрос о специфике формирования, существования и функционирования особых идеологизированных единиц русского языка (идеологем) и особенностях их интерпретации в рамках отечественной словарной традиции.

Актуальность данной работы состоит в том, что в рассмотрении сложной проблемы отношения идеологии и языка недостаточно разработана таксономия лингвоаксиологических терминов (идеологема, прагема, аксиологема, политема, культурема, мифологема и др.), что осложняет видение данного вопроса и конструктивное взаимодействие исследователей. До сих пор окончательно не решены вопросы стратегии научного лексикографирования. Вероятно, в том числе и с этим связаны трудности практического описания лексики: некоторые проекты толковых словарей получают солидную разработку и через несколько лет закрываются как морально устаревшие; некоторые словари русского языка начинают выходить параллельно под одним заглавием, но с принципиально разными взглядами на описание предмета; некоторые словари уже с современной точки зрения продолжают традиции идеологической тенденциозности в подаче материала и т.д. В настоящем исследовании предпринимается попытка разобраться с закономерностями взаимодействия семантики и прагматики на уровне толкового словаря, стремление выявить идеологически недопустимые для научного лексикографирования приемы репрезентации языкового материала.

Целью исследования является изучение идеологем в плане определения их сущности, в их языковом отображении (лексикографический аспект) и в некоторых аспектах речевого функционирования.

Достижение поставленной цели предполагает **решение следующих задач**:

- 1) освещение социально-исторических и психологических предпосылок и следствий формирования идеологем;
- 2) раскрытие природы и специфики идеологем как особых единиц лингво-семиотического происхождения;
- 3) рассмотрение условий актуализации идеологем в контексте и метаконтексте;
- 4) анализ идеологем, представляющих аксиокатегорию власти, в толковых словарях разных эпох;
- 5) обоснование методики лингвогносеологического исследования, его сущности и терминологического аппарата;

Объектом исследования являются идеологемы – конкретные лингво-семиотические единицы типа *реакционер, либерализм, мелкобуржуазный, большевистский, товарищ, сепаратист, красно-коричневые*, содержание которых актуализировано аксиологическими установками общества. В тексте диссертации проанализировано 318 идеологем. Общая картотека собранных, систематизированных и обработанных единиц составляет 2300 слов и словосочетаний.

Источниками для исследования стали авторитетные толковые словари русского языка XVIII – XXI вв., а также тексты отдельных газетных

публикаций XX – XXI веков, способных проиллюстрировать излагаемый материал. Список источников прилагается в библиографическом перечне.

Решение поставленных задач предполагает привлечение широкого спектра **методов исследования**. Среди них в первую очередь реализуются: описательный метод, включающий приемы наблюдения, сопоставления, обобщения и классификации анализируемого материала; метод сплошной выборки материала; методика лингвоносеологического анализа, включающая в себя группу методов – метод синхронного (семасиологического) анализа; метод компонентного анализа, предписывающий выделение компонентов в семантической структуре значения слова; метод концептуального анализа, заключающийся в рассмотрении глубоких семантических связей с выходом на уровень концептосферы и реальные синтагматические отношения слов; метод пропозиционального анализа, предназначенный для моделирования метазначения слова на основе вариантов его лексикографических интерпретаций; метод контекстуального анализа, нацеленный на исследование языковых единиц с учетом лингвистического и экстралингвистического уровней, микро- и макконтекстов.

Научная новизна исследования предопределена теоретическим и практическим использованием междисциплинарного лингвоносеологического подхода, объединяющего усилия лингвистики и теории познания в раскрытии особенностей языковой, речевой и когнитивной репрезентации языкового знака. Лингвоносеология в настоящей работе понимается как общее, универсальное направление, включающее в свой состав такие дисциплины, как лингвокультурология, лингвоаксиология, этнолингвистика и др., углубляющие познание языка через его взаимодействие с разнообразными социально-психологическими факторами.

В работе представлено особое понимание категории идеологема, рассматриваемой в лингвистической литературе слишком широко. Идеологема понимается здесь как конкретная знаковая по природе единица с конкретным содержанием, функционирующая в данном языке в конкретный период.

В исследовании апробируется построение дискурсивной лексикографической модели – ряда словарей, объединенных исторически и идеологически, т.е. репрезентирующих данные о языке и мире в сходных метаконтекстуальных условиях. Сопоставление нескольких словарных моделей дает важное представление о статике и динамике содержания языкового знака.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что проблеме взаимодействия языка и идеологии придается не только социально-политический, но и общекультурологический, психологический, этический характер. Изучение проблемы проводится на материале конкретных слов и

значений, взятых в их эволюционном развитии. Подробный семантический анализ идеологом показывает идеологически мотивированные возможности совмещения в одной единице языкового и неязыкового знания.

В работе получает освещение лингвогносеология (теория лингвистического познания) с указанием на ее сущность и задачи.

В исследовании проводится попытка кодификации лингвоаксиологических терминов эмического ряда, нацеленной на привнесение порядка в соответствующую таксономию, отличающуюся в современном языкознании разнообразием интерпретаций.

Рассматривается возможность изучения толковых словарей с учетом фонового знания эпохи, которое накладывает существенный отпечаток на их содержание. Другими словами, применительно к лексикографии используется понятие дискурса, причем как на макроуровне (идеологическая модель эпохи), так и на микроуровне (словарная статья – это не только микротекст, но и мини-дискурс).

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее результатов и выводов в теоретической и практической лексикографии. Знание скрытых и явных средств идеологического манипуляторства, мешающих восприятию собственно языковой информации, может помочь как составителям толковых словарей, так и пользователям данными источниками (учащимся, преподавателям, журналистам, переводчикам и т.д.). Кроме того, наблюдения за особенностями функционирования и развития идеологом, спецификой их строения и общественной значимостью могут быть учтены при разработке курсов лекций по лексикологии, лингвистической семантике, общему языкознанию, при проведении семинаров по когнитивной психологии и лингвистике, социолингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии и т.д.

Апробация результатов работы. Основные результаты диссертации обсуждались на заседании кафедры иностранных языков факультета лингвистики и межкультурной коммуникации МарГУ (октябрь 2001г.), на заседании кафедры русского и общего языкознания историко-филологического факультета МарГУ (октябрь 2003г.). Отдельные положения диссертации были представлены в виде докладов и сообщений на научно-практическом семинаре МарГТУ (ноябрь 1995г.), на всероссийской междисциплинарной научной конференции «Вавиловские чтения» (Йошкар-Ола, 1997г., ноябрь 1999г., ноябрь 2000г., ноябрь 2001г., ноябрь 2002г.), на международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения профессора Б.Н. Головина (Нижний Новгород, 21-24 мая 2001г.), на международной научной конференции «Бодуэновские чтения» (Казань, 11-13 декабря 2001г.), на научной конференции «Вторые Международные Бодуэновские чтения» (Казань, 11-13 декабря 2003 г.). По теме диссертации

опубликовано 14 работ (в Йошкар-Оле, Томске, Великом Новгороде, Нижнем Новгороде, Казани, Москве).

Наиболее существенные результаты исследования позволяют сформулировать основные **положения, выносимые на защиту**:

1. Идеологема – конкретная цельная единица синкретичной лингво-семиотической природы; это знаковое образование идеологического метауровня; это дискурсивная единица, значимость которой определяется метаконтекстуально.

2. Толковые словари русского языка, создаваясь в условиях того или иного исторического дискурса и закономерно испытывая на себе влияние конкретной идеологии, аккумулируют в своем содержании множество ценностно обусловленных коннотаций эпохи. Следовательно, и отдельно взятый словарь, и группу нескольких словарей, идеологически и исторически объединенных одним периодом, можно рассматривать как лексикографический дискурс. Под лексикографическим дискурсом в данной работе следует понимать организованную совокупность микротекстов, «погруженных в жизнь», представление которых в конкретном источнике мотивировано внеязыковыми общественно значимыми условиями.

3. История отечественной лексикографии подразделяется на три этапа: дооктябрьский (самодержавный), советский и постсоветский (современный). Каждому из них присуща своя идеологическая модель мира, специфика которой накладывает несомненный отпечаток на создаваемые тексты.

4. Идеологеми как ценностно мотивированные знаковые образования группируются вокруг того или иного идеологически значимого концепта, служащего основой для формирования аксиологических категорий (аксиокатегорий). В результате идеологеми русского языка могут быть распределены по следующим пяти разрядам: аксиокатегория власти, аксиокатегория социального устройства, аксиокатегория образа врага, аксиокатегория религии, аксиокатегория культурно-философских ценностей. Данное распределение позволяет более эффективно использовать описательный и сопоставительный методы при анализе идеологемного состава языка.

5. Расширение сферы научных интересов лингвистики требует упорядочения и совершенствования метаязыкового теоретико-методологического аппарата. Лингвогносеология (теория лингвистического познания) – это междисциплинарный научный комплекс, в рамках которого исследуются вопросы взаимодействия языкового и внеязыкового знания. Это содружество дисциплин, занимающихся решением проблем герменевтического, репрезентационного (лингво-семиотического), лингво-философского и лингвокультурологического плана.

Структура и объем исследования. Диссертация состоит из списка сокращений, введения, трех глав, заключения, перечня источников

исследования, списка использованной литературы, включающего 220 наименований. Общий объем работы – 203 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается характеристика наиболее ярких особенностей воздействия идеологического фактора на язык и человеческое сознание, обосновывается актуальность темы, теоретическая и практическая значимость исследования, определяются цели и задачи работы, сообщаются источники используемого в исследовании языкового материала, указываются методы исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Идеологемы и их место в лингвоаксиологии», состоящая из двух параграфов, посвящена теоретическому обоснованию главных постулатов данного исследования, связанных с определением природы идеологем и лексикографического дискурса.

В параграфе 1.1 проводится опыт терминологической кодификации лингвоаксиологических единиц, т.е. таких единиц, которые имеют внутреннюю вербальную основу, а также ту или иную ценностную мотивировку.

В случае с идеологемой подобная мотивированность определяется в соответствии со сложившимся идеологическим метаконтекстом. В разные исторические периоды идеологемами в этом смысле будут являться такие единицы, как *Бог, царь, Смута, свобода, сознательность, революция, объективизм, декадентство, перестройка* и т.д. В основном это мифологемы, они не обладают самоценностью, они конвенционализируются в дискурсе власти. Их восприятие находится в прямой зависимости от заданности интересов господствующего класса.

Наибольшую силу и яркость идеологемы приобретают в периоды тоталитарного влияния на все сферы общественной жизни и прежде всего на язык. В такие времена формируется действительно мощная система идеологем, основанная на твердых оппозициях типа *революция – контрреволюция, коммунизм – антикоммунизм, патриотизм – космополитизм, идейный – безыдейный* и т.д. Принято даже говорить о выделении в разные эпохи тотальной и частичной [Барботько... 2000: 14-15], или «сильной» и «слабой» идеологии [Даниленко 2000: 291]. Тотальная, или «сильная», идеология практически полностью подчиняет своим установкам общественное сознание, конструирует ценностную модель мира, отступление от норм которой приводит к негативным для членов социума последствиям. Именно в этих условиях формируется жесткий, категоричный, не терпящий полутонов тоталитарный язык.

Помимо слов *революция, контрреволюция, царь, вождь, буржуазный, партия, перестройка* и пр., к числу идеологем, очевидно, нужно относить также имена собственные. (Неслучайно в ряде словарей им уделяется отдельная словарная статья; ср.: «ЛУБЯНКА 1. Лубянская площадь (площадь Дзержинского) в Москве, на которой находилось здание органов госбезопасности (НКВД, КГБ), ставшая символом репрессий и политических преследований. <...>. 2. Тюрьма для политических заключенных на Лубянской площади» [ЯИ 1998: 365]). Соответственно идеологемами можно считать такие единицы, как *Ленин, Сталин, Колчак, Павка Корчагин, Павлик Морозов, Юрий Гагарин* и др.

Идеологема, будучи актуализованной в рамках конкретной идеосферы и ценностно обусловленными единицами, требует по отношению к себе пристального внимания в плане лингвистики, с одной стороны, и аксиологии, с другой. Компромиссной в этом отношении дисциплиной является лингвоаксиология, в рамках которой осуществляется анализ оценочного сознания на уровне интонационного оформления, морфемы, лексемы, граммема и целого текста, изучение оценочности как семантической категории в составе коннотации, выявление всех ценностных связей и отношений, которые служат своеобразной точкой отсчета для определения специфики взаимодействия языковых единиц друг с другом, а также рассмотрение собственно прагматического аспекта, связанного с субъективно обусловленным функционированием конкретного высказывания.

Сущность лингвоаксиологии заключается в многообразии ценностных отношений, реализуемых через единицы языка. Это многообразие закономерно привело к плюрализации научных подходов, теорий, методов, и соответственно каждый новый почин в этой сфере предусматривает терминологическое кодифицирование. Выбор эмического ряда, представленного в лингвоаксиологии очень широко (аксиологема, идеологема, мифологема, политема, прагмема и пр.), обусловлен хотя и разнообразной, но стройной таксономией и возможностями успешной корреляции.

В лингвистической плоскости (т.е. в условиях рассматриваемой аксиоматики) статусом идеологем могут обладать как одинарные единицы (слова), так и бинарные (словосочетания). К последним, в частности, относятся *Великий Октябрь, воинствующий атеизм, революционная бдительность, капиталистическая система, вертикаль власти*, т.е. те единицы, которые в процессе речевого функционирования и языкового усвоения их обществом приобрели устойчивый характер. Реже обнаруживаются многокомпонентные идеологема (ср. «*самодержавие, православие, народность*» (формула графа С. Уварова) или «*головокружение*

от успехов» (название сталинской статьи, ставшей важным идеологическим водоразделом эпохи).

В данном параграфе заявляется несколько предположений о сущности идеологемы и механизме ее функционирования. Речь, в частности, заходит о смысловой актуализации, о привнесении в лексическую семантику слова прагматического компонента, об аффективном компоненте смысла и о фреймовых структурах.

Однако наиболее точно объяснение феномена идеологемы реализуется через представление о модели некоего сверхзнака, структура которого включает языковой знак и знак мифологизации (так называемую прагматическую оболочку). Таким образом, идеологема, спроецированная на семиологический уровень, может рассматриваться как элемент знаковой системы, функционирующий в условиях определенной актуализации, в тех условиях, когда на традиционный парадигматический знак накладывается знак внешний, метасистемный.

Наиболее полное выражение эта идея находит в концепции Р.Барта, провозгласившего существование такой особой семиологической системы, как мифология, причем «поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом» (Барт 1996: 233).

Ролан Барт так определяет семиологическую структуру мифа

МИФ {	ЯЗЫК {	1. Означающее	2. Означаемое
		3. Знак	
		I. ОЗНАЧАЮЩЕЕ	II. ОЗНАЧАЕМОЕ
III. ЗНАК			

Миф, являясь результатом вторичного (ценностного) семиозиса, словно наслаивается на первичную (языковую) знаковую основу. Неслучайно означающее языкового знака Р.Барт именуется смыслом, а означающее мифа – формой, т.е. языковой знак, воспринимаемый как комплекс означаемого и означающего, выступает в качестве материальной основы для формирования мифа.

На основе совокупности разнообразных историко-функциональных признаков идеологем можно провести следующую классификацию:

1) общие (или диахронические) идеологемы – такие единицы, значимость которых является универсальной, т.е. их внешнее и внутреннее содержание будет ценностно актуализовано на любой стадии социально-политического развития общества (*Бог, власть, держава, народ, партия, революция, свобода* и т.д.). Изучение этих идеологемных констант представляет особый интерес, поскольку на каждом историческом этапе данным единицам будут свойственны свои специфические семантико-

когнитивные трансформации – естественное следствие динамики общественного сознания;

2) частные (синхронические) идеологемы – такие единицы, значимость которых будет иметь место только в пределах аксиосферы конкретной эпохи (*император, комиссар, самиздат, самодержавие, славянофильство, сменовеховство, советский* и т.д.). На других исторических этапах такие слова не имеют ценностно обусловленной актуализации и являются либо просто политемами, либо вовсе не терминологизированными единицами с нейтральным содержанием.

3) описательные идеологемы - вспомогательные дискурсивные единицы, которые, как правило, несут в себе логическую оценку и используются как средство предикации (функционального элемента словарной статьи [Алешина 2001]) в пропагандистском разъяснении роли других идеологем (*буржуазный, консервативный, контрреволюционный, мелкобуржуазный, меньшевистский, оппортунистический, реакционный* и т.д.). Такие идеологемы, регулярно употребляясь в стандартных идеологически значимых контекстах, в свою очередь приобретают ауру внеязыковой оценочности и становятся ценностно актуализованными.

В **параграфе 2.1.** развивается мысль о том, что роль экстралингвистического фактора в формировании мифологизированного образа идеологемы чрезвычайно велика, поэтому ее содержание может быть эксплицировано только с учетом так называемого фонового знания, или метаконтекста. Так, без знания советской идеологии не раскроют своей потенциальной информации, к примеру, такие единицы, как *интернационал, марксизм-ленинизм, троцкизм, невозвращенец, классовый враг, пролеткульт* и т.п. (не говоря уже об идеологически символическом словосочетании *ленинский призыв* (массовое вступление в члены партии, ставшее откликом на смерть В.И. Ленина в 1924 г.) или эвфемистичном выражении *десять лет без права переписки*, что означало расстрел).

В отличие от метаконтекста, под узким контекстом в настоящем исследовании следует понимать микро- и макроконтекст (условия реализации слова в тексте). Знание общего экстралингвистического (концептуального, аксиологического, идеологического) фона есть знание метаконтекста.

Согласно идее диссертационного исследования, толковый словарь следует рассматривать не только как источник информации о языке, но и как лексикографическую модель, сконструированную на основе лингвистического материала, собранного и обработанного в конкретных идеологических условиях. Такое представление словаря, помимо собственно языкового знания, дает возможность оценить общеорганизационные предпосылки для оформления семантических данных, а также проследить их трансформации на протяжении определенного исторического отрезка.

Условия той или иной общественно-экономической формации как бы цементируют каждую эпоху, тем самым определяя ее идеологический фон. Таким образом, целые группы словарей оказываются в безусловной зависимости от социально-политических воззрений, убеждений и иллюзий своего времени. Каждая из этих групп образует собственный лексикографический дискурс, отличающийся своей идеологической спецификой. История отечественной лексикографии четко выделяет в своем составе три значимые в этом смысле эпохи: досоветскую, советскую и постсоветскую. Все они объединены несомненной научной традицией и различны по способу представления идеологически значимой информации (состава идеологем). Адекватное восприятие содержания любого из словарей, входящих в лексикографический дискурс эпохи, зависит в том числе от понимания общих принципов и правил данного дискурса.

Вторая глава диссертации «Актуализация идеологем аксиокатегории власти в русском лексикографическом дискурсе» посвящена конкретному анализу идеологизированных единиц кратической лексики, своеобразно представленных в русской лексикографической традиции трех крупных временных отрезков. В ходе исследования методом сплошной выборки было выделено 2300 идеологем. Из них досоветский лексикографический дискурс представляло 448 единиц, советский лексикографический дискурс - 1431 единица, постсоветский лексикографический дискурс - 421 единица. Идеологемы каждого из указанных дискурсов были разделены на пять опорных групп. Центром каждой из групп, в свою очередь, стала определенная аксиокатегория (власти, социального устройства, религии, образа врага, культурно-философских ценностей).

В фокусе внимания диссертации, как одна из наиболее показательных, оказалась группа, возглавляемая аксиологической категорией власти, куда были отнесены те идеологемы, которые характеризовали высшие правомочные органы власти, осуществляющие политическое господство и государственное управление. В ее состав входит 335 единиц.

Аксиокатегория социального устройства, объединяющая идеологемы, в которых отражено отношение носителей языка той или иной эпохи к сложившейся на данный момент общественно-экономической формации и связанным с ней реалиям (например, *революция, народ, господин, аристократия, анархия, марксизм, буржуазия, либерализм, слуга народа, перестройка*) включает в себя 644 единицы.

Аксиокатегория религии, проецирующая отношение государственной идеологии к теистическим реалиям (*Спаситель, Богородица, церковь, мученик, равноапостол, соборность, грех, атеизм*), включает в себя 190 единиц.

Аксиокатегория образа врага, ценностная доминанта, объединяющая вокруг себя самую многочисленную группу идеологем (836 единиц), зиждется на воплощении основного идеологического концепта «Свой / Чужой» и отличается главным образом избыточной пейоративностью, что не удивительно, ведь «при помощи эмоций, которые порождаются пейоративами, легче и эффективнее воздействовать на чужое сознание, именно поэтому пейоративы, как правило, ударны, хлестки, метки и поражающие, с ярко выраженной экспрессией» [Кромих 1985: 34]. Сюда входят, к примеру, такие идеологемы, как *масонство, монтаньяр, якобинцы* (досоветская традиция, представленная в этом плане единичными примерами); *враг народа, идейный враг, классовый враг, вредитель, евгеника, вейсманнизм-менделизм-морганизм, корниловщина, мелкобуржуазный, правооппортунистический, сменовеховство, социал-соглашатель* и др. (советская традиция, представленная колоссальным количеством примеров. Раскрытие аксиокатегории образа врага в советском дискурсе можно сопроводить образом-выводом: «страна тех лет – осажденная крепость»); *брежневщина, ельцинизм, красно-коричневые, Лубянка, лысенковщина, национал-большевизм, номенклатура, псевдодемократия* и т.д. (постсоветская традиция, отличающаяся в этом плане весьма примечательными толкованиями, иногда по силе своего воздействия не уступающая традициям советского лексикографического дискурса).

Аксиокатегория культурно-философских ценностей, отражающая отношение господствующего класса к достижениям национальной и мировой цивилизации (*гуманизм, декаданс, идеализм, кафешантан, панславизм, почвенничество, РАПП, схоластика, утопия*) или к соответствующим или не соответствующим идеологической обстановке эпохи человеческим качествам (*благочестие, добродетель, индивидуализм, комчанство, сознательность*), включает в себя 295 единиц.

Параллельное сопоставление трех дискурсивных планов отечественной лексикографии позволяет посредством пропозиционального анализа смоделировать метазначение каждой из рассмотренных идеологем, т.е. на основе сравнительных данных ряда авторитетных источников получить ту дефиницию, которая была бы максимально приближена к объективной. Критерием объективности в данном случае выступает соответствие представленной в словаре лексической семантики понятийному содержанию слова. Ср., к примеру, дефиниции, репрезентирующие значение идеологемы *монархия*, в трех указанных дискурсионных планах:

«МОНАРХИЯ. Единодержавие, самодержавие, единовластие» [САР (4): 249];
«МОНАРХИЯ (книжн. полит.). Наиболее деспотическая, господствующая в эпоху феодализма форма государственного правления, при которой верховная власть принадлежит одному лицу, монарху; единодержавие» [ТСУ (2): 253];

«МОНАРХИЯ. 1. Форма правления, при которой верховная власть сосредоточена в руках единоличного главы государства - монарха» [БТС 2002: 554].

Наиболее точно и близко понятийное содержание данного слова отражают САР и БТС (хотя в первом случае представлен дефиниционный прием синонимизации, а во втором - описательный способ). Дефиниция ТСУ на этом фоне наглядно демонстрирует свою избыточность, где факультативными (лишними) будут элементы *наиболее деспотическая* (дифференциальная сема со спорным содержанием, использование которой идеологически обусловлено), *господствующая в эпоху феодализма* (дифференциальная сема с неточным содержанием, так как факт господства монархии имел место и в дофеодальный, и в послефеодальный период). В результате дефиниция ТСУ некоторым образом деформирует значение слова *монархия* в соответствии с идеологической моделью мира советского локально-темпорального пространства. Пропозиционально точная модель рассмотренного метазначения наиболее удачно, по-видимому, отражена в дефиниции БТС.

Тематическая группа лексических единиц, представляющая аксиокатегорию «Доминанта власти», включает в себя важнейшую часть состава общественно-политической лексики – те идеологемы, которые характеризуют высшие правомочные органы власти, осуществляющие политическое господство и государственное управление. Сюда же относятся обозначения атрибутов и результатов действий, сопряженных с выполнением указанных функций.

Из состава всех аксиологических категорий доминанта власти кажется наиболее репрезентативной, поскольку понятие власти является квинтэссенцией политической жизни, во многом определяющей отношение общества к тем или иным реалиям. По словам Е.И. Шейгал, концепты «Власть» и «Политик» относятся «к базовым концептам политического дискурса» [Шейгал 2000: 6]. Таким образом, аксиокатегория власти - это своеобразный индикатор, демонстрирующий – и в первую очередь в плане языка – зрелость и уровень политической культуры общества.

Представление аксиосферы власти в **дореволюционной лексикографической традиции** находит двоякое выражение – через секулярные и клерикальные образы. Показательным примером здесь может служить семантическая структура слов *высочайший* и *всевысочайший*, репрезентированная в словаре Академии Российской в следующем виде:

«Высочайший и Всевысочайший. 1) Достопочтеннейший, превосходящий всех славою, честью, достоинством: употребляется токмо к означению величества Божия и также придается самодержавным особам и их высокому роду. Всевысочайшее имя Божие. Всевысочайшая России

обладательница. 2)Свойственный, принадлежащий всевысочайшей особе. Высочайшее повеление. Всевысочайшая воля, власть» [САР 1789 : 952].

Ценностно мотивированное условное единение этих двух начал отчетливо реализуется через ментальные репрезентации, что концептосфера русского языка наиболее ярко выражает, в частности, через идеологическую формулу «Нет власти не от Бога» и паремиологические выражения типа «никто против Бога да против царя», «царь от Бога пристав», «до Бога высоко, до царя далеко», «без Бога свет не стоит – без царя земля не правится», «Бог милостив, а царь жалостлив» и др. Как отмечает В.М.Живов, «в парадной жизни двора духовная иерархия занимала столь же твердое место, как и иерархия светская» [Живов 1996: 370]. В этих условиях представляется целесообразным разграничить указанные «сферы влияния» и в данном подразделе рассмотреть когнитивно-вербальные образы исключительно светской власти.

Относительно дореволюционной лексикографической практики стержневым в раскрытии данной доминанты, безусловно, будет аппарат идеологем, представляющих институт монархической власти.

Общим же признаком, объединяющим опыт всех лексикографических изданий той поры, следует считать этикетность вербального оформления словарного материала.

Элементы организации словарных статей, обусловленные принципом этикетности, представлены тремя основными формами: графической, лексической и стилистической.

Графическая форма обнаруживается посредством регламентации употребления прописных и строчных букв. Так, в каждом из дооктябрьских академических толковых словарей устойчивую прописную букву имеют две тематические группы слов – теистическая лексика и кратическая лексика. Но если орфографический облик теистической лексики в основном совпадает с его современным вариантом (ср. Богоявленский. К празднику Богоявления принадлежащий, относящийся [САР 1794: 1026]; Троица. Триипостасное Божество; Единый Бог в трех лицах, т.е. Отец, Сын и Святой Дух [СЦСРЯ 1847: 300]; Бог. 1.Единое предвечное и всемогущее Существо, Творец и Вседержитель мира, истинный Бог [СРЯ 1895: 226]), то кратическая лексика тех лет по установкам написания заметно отличается от ее современной преемницы. Среди зафиксированного лексикографического материала в составе кратической лексики написание с прописной буквы отмечено у единиц типа *Император, Царь, Дщерь Императорская, Государыня, Правительствующий Сенат* и т.д.

Лексическая форма этикетности проявляется в существовании богатого ресурса именованных августейших особ. Базовой группой здесь становятся субстантивы с прямым официальным наименованием правящего монарха. К ним относятся: ГОСУДАРЬ 1) Царь, владетель, ни от какой

другой державы не зависящий < ... > [САР 1790: 279]; ИМПЕРАТОР. Государь, управляющий или управлявший империей [СЦСРЯ (2) 1847: 131]. МОНАРХ. Государь, самодержец [САР 1793: 249]; ЦАРЬ 1) Государь, монарх, самодержец < ... > [САР 1794 (2): 612-613]; САМОДЕРЖЕЦ. Государь самодержавный [СЦСРЯ (4) 1847: 89] и др.

Стилистическая форма этикетности заключается в функциональной стороне представления информации. Доминанта власти как никакая другая раскрывается в данном случае через интерпретацию лексического значения посредством использования высокого, торжественного стиля. Ср.: 1) на уровне собственно дефиниции (ср.: ВОЦАРЕНИЕ. Восшествие на престол, вступление в царское достоинство [САР(2) 1794: 617]; СКИПЕТРОДЕРЖИЦА. Державная властительница; Царица, Государыня [СЦСРЯ(4) 1847: 131]; 2) на цитатно-иллюстративном уровне (ср.: ПРЕСТОЛ <...>; 2) Возвышенное седалище, на которое Государь восседают. Престол царский. Государыня во время приема посла сидеть изволила на престоле [САР(1) 1794: 746]; к ст. ЦАРСКИЙ, помимо прочих примеров, есть сочетание **Царские чертоги**).

Безусловными идеологемами того времени являются слова, обозначающие высшие формы государственного управления (*единовластие, монархия, скипетродержавие, скипетроцарствие* и др.) и атрибутику царской власти (*держава, престол, скипетр* и др.).

Толковые словари царской России концептуально, конечно, очень неоднородны. Описание макроконцепта власти производится ими одинаково лояльно и уважительно, однако неакадемические издания обходятся при этом без лишней риторики и пафоса. Это прежде всего свидетельствует о том, что в эпоху российского самодержавия феномена единой (тотальной) идеологии не существовало, идеологизация была явлением вторичным по отношению к тенденции выражения общекультурных норм и правил.

Специфика представления аксиосферы власти в толковых словарях **советского времени** обусловлена не просто изменением идеологического курса в стране, а сменой общественно-политической формации, что вызвало пересмотр идеологических воззрений на институт власти в целом.

Смена общественно-экономической формации вносит в лексикографическую сферу два важных момента: с научной точки зрения строгие традиции словарного дела, заложенные учеными-предшественниками, должны быть продолжены, другими словами, должна быть обеспечена профессиональная преемственность, но с политической точки зрения должны быть иначе, чем прежде, расставлены акценты в интерпретации тех или иных понятий, явлений, событий (другой вопрос, отвечает ли это объективным закономерностям в развитии концептосферы языка или это лишь дань конъюнктуре).

Основной пласт слов и сочетаний слов, представляющих аксиосферу власти в советской лексикографической традиции, составляют наименования предметов и явлений, характерных именно для этого периода. Так, вслед за радикальным изменением системы власти в стране значительно преобразился и комплекс концептуальных представлений о ней. Соответственно в обиход русского политического языка вошли либо новые, ранее не употреблявшиеся лексические единицы, либо семантически актуализованные старые. Новый концептуальный образ власти, к примеру, складывается из таких лексических элементов, как *гегемония* и *гегемон*.

Формирование нового образа власти сопровождается также привлечением особых стилистических средств. Так, в описание аксиосферы власти стали включаться элементы высокой лексики, не употреблявшиеся в этой функции прежде. Идеологемы *вождь*, *кормчий* в своем употреблении вышли в то время почти на официальный уровень. Ср. интерпретацию слова КОРМЧИЙ в БАС – 1: «1. Устар. Рулевой, ведущий судно (обычно в торж. и поэт. речи). 2. Перен. О руководителе. Имея такого мудрого кормчего, как Коммунистическая партия, вооруженного таким компасом, как марксизм-ленинизм, китайский народ успешно достигнет поставленной цели, построит социалистическое общество. Ворошилов. По славному пути социализма». [БАС–1 (5):1458]. Концептуальный анализ данного мини-дискурса раскрывает две существенные черты в вербально-когнитивном образе власти советского периода: 1) высокая степень ценностной значимости референта, определяемая функциональной маркировкой высокого, торжественного стиля, и 2) новая, дейктическая (указующая, направляющая) сущность кратического феномена.

Новые политические идеологические условия подготовили почву для возникновения в русском языке целого пласта фразеологических единиц, связанных с аксиокатегорией советской власти. Опираясь на строгую базу лексикографических данных, отметим только те из них, которые были зафиксированы в толковых словарях и снабжены особыми пометами, указывающими на неразложимость словосочетания. К таким единицам, в частности, относятся *власть Советов*, *гегемония пролетариата*, *диктатура пролетариата*, *генеральная линия партии*, *партия большевиков*, *коммунистическая партия*, *состоять в партии*, *вступить в партию*, *партийный комитет*, *партийное бюро*, *партийный билет*, *серп и молот* и др. Все указанные фразеосочетания можно с полным правом отнести к разряду идеологем-советизмов. Для этого есть два основания: во-первых, они не были известны в дооктябрьский период, во-вторых, в постсоветскую эпоху они либо перешли в разряд историзмов, либо деидеологизировались.

Аксиокатегория власти в советской лексикографической традиции представлена весьма широко. При этом, вероятно, не будет преувеличением вывод о том, что в рассматриваемый период научная культура интерпретации

содержания слов оказалась теснейшим образом переплетена с интересами политической идеологии господствующего класса. В отличие от эпохи царской России, опиравшейся на сильную социокультурную традицию почтительного отношения к власти, но допускавшей определенный плюрализм в частных лексикографических изданиях, в советское время существовала жесткая система официальных взглядов на все околополитические сферы жизни, в принципе не допускавшая каких-либо разночтений относительно кратического феномена.

Качественный анализ представления аксиокатегории власти в советской лексикографии дает следующие результаты. Кратическому макроконцепту в советском идеологическом дискурсе отводится особая, весьма значимая роль. Данный вывод обусловлен предельным заострением внимания составителей-лексикографов не только на семантической, но и понятийно-логической сущности рассматриваемого феномена, что выражается прежде всего в совмещении толкового и энциклопедического принципов описания.

Право на существование **современной лексикографической традиции**, т.е. традиции, основанной на концептуальном переосмыслении опыта 1990-х гг., в сущности, обеспечено становлением в стране новой общественно-экономической формации. Лексикографический макроконцепт власти в этом контексте оказывается примечательным по двум основным причинам: 1) появлению в современных условиях новых референтов и соответственно их вербально-когнитивных эквивалентов; 2) новому, идеологически узуальному восприятию прежних кратических реалий. Оба соотносимых с ними словарных пласта наиболее, на наш взгляд, яркое выражение находит в эмпирическом пространстве «Толкового словаря русского языка конца XX века. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Складневской (ЯИ), который по сосредоточенному в нем фактологическому материалу является по-настоящему ценным источником.

Среди единиц, называющих новые денотаты власти, подавляющее большинство относится к числу семантических неологизмов, или, точнее, терминов общественно-политической лексики, расширивших свое значение. Так, если в словарях советской эпохи лексические единицы *парламент*, *президент*, *премьер-министр*, *сенатор*, *спикер*, *фракция* и др. характеризовались с неизменным примечанием «в буржуазных странах» или в «ряде современных зарубежных государств», то в современных источниках подобное примечание либо расширено за счет исключения слов *буржуазный*, *зарубежный*, либо отсутствует вовсе. Ср.: «ПРЕЗИДЕНТ 1. В странах с республиканской формой правления: глава государства. Резиденция президента» [СОШ 2002: 582]; «ПРЕЗИДЕНТ 1. Выборный глава государства (в большинстве стран с республиканской формой правления). П. страны,

республики. П. Казахстана, Грузии. Указ Президента. Решение Президента. Единый кандидат в Президенты от демократов...» [ЯИ 1998: 500-501].

Некоторые словосочетания к моменту их лексикографического освоения успели уйти в пассивный словарный состав (ср.: *архитектор перестройки, прорабы перестройки* в значении 'активные участники перестройки') [Там же: 461]. Новые общественно-политические условия были сформированы столь стремительно, что граница между старой и новой кратической лексикой прослеживается весьма определенно.

Отдельного внимания заслуживают наименования действий и результатов действий, сопряженных с проведением политического курса последних десятилетий. Примечательность таких единиц состоит в том, что они либо имеют совершенно короткую лексикографическую историю, либо не имеют ее вовсе. Так, слова *гласность, перестройка, ускорение, хозрасчет*, обретшие статус идеологем во второй половине 1980-х гг., узуальную словарную фиксацию сумели получить лишь к 1990-м гг., а немного позднее, в связи с их переходом в разряд историзмов, или обрели соответствующие уточняющие пометы, или успели совсем исчезнуть из словника, о чем свидетельствуют данные ЯИ.

Следует признать, что русская толковая лексикография постсоветской эпохи весьма успешно функционирует в современных условиях научной и общественной жизни. Обретение нового лица органично сочетается в ней со следованием лучшим традициям отечественного словарного дела. Главная сложность ее настоящего положения заключается в поисках способов оптимальной семантизации известных слов, бытующих в принципиально ином, нежели раньше, концептуальном контексте, ведь, как известно, неизбежным результатом социально-политических катаклизмов в обществе становится стихийная переоценка ценностей и, как следствие, хаос в мировосприятии носителей языка. Для того, чтоб новая шкала оценок приобрела в общественном сознании стройный вид, требуется определенное время.

В целом же нужно отметить довольно высокий уровень современного толкового лексикографирования. Составители новых словарей в основном справились с нелегкой задачей семантической интерпретации идеологически неоднозначных слов. Для лексикографических источников последнего десятилетия характерно чуткое восприятие новой информации, переоценка морально устаревших сведений, узуализация некогда табуированной лексики (ср.: *рассказывать, раскрестьянить*) – те особенности, которые, с одной стороны, в своей совокупности представляют элементы повседневной словарной практики, с другой стороны, сигнализируют о новом этапе эволюции лексикографической деятельности.

Аксиологический подход к рассмотрению лексикографической модели языка подчеркивает дискурсивный характер объекта исследования.

Словарные единицы и словарные модели разных эпох, сгруппированные вокруг аксиокатегории власти, проанализированы с точки зрения идеологизации их состава.

В фокусе внимания **третьей главы** диссертационного исследования «Лингвогносеологический подход к осмыслению проблемы как основа исследования» находится лингвогносеология (теория лингвистического познания) – особая гуманитарная дисциплина, сферой научных интересов которой являются способы и специфика приобретения, накопления и переработки информации, полученной вербальным путем. В **параграфе 3.1.** подчеркивается, что интеграционные теоретические и методологические ресурсы необходимы при исследовании механизмов когниции, лингво-семиотических и лингвокультурологических процессов познания языковой действительности, в том числе взаимоотношений языка и идеологии.

Специалисты безоговорочно признают, что вербальный источник информации о мире, наряду со зрительным, является основным, поэтому при изучении механизма приобретения и усвоения знания ученые в области гносеологии не могут миновать сферы языковедческой, а точнее – семантической компетенции. Необходимость комплексного подхода к решению проблемы познания является и причиной того, что в последние десятилетия все больше ученых-нелингвистов вынуждены обращаться к теории и практике языкознания (Г.А. Брутян, Ю.М. Лотман, М.К. Мамардашвили, Р.И. Павленис, А. Соломоник, М.Я. Хинтикак).

Среди основных задач, стоящих перед теорией лингвистического познания, необходимо отметить следующие:

1) дешифровка скрытых смыслов, имплицативность которых обусловлена отнюдь не метафизической их сущностью, а конкретной внутренней формой, а также общеконтекстуальными факторами, выявление которых требует определенных герменевтических усилий;

2) объяснение многих закономерностей существования и развития лексико-семантического состава языка посредством обращения к его концептуарию, учету особенностей его структуры и эволюционирования (т.е., по Е.С. Кубряковой, реализация принципа экспланаторности [Там же: 221]).

эспликация глубинной семантики на уровне языкового знака, т.е. построение семантической (шире – когнитивно-семантической) модели слова на пропозициональной основе..

В **параграфе 3.2.** ставится вопрос о том, несут ли в себе оценочность такие лексемы, как *буржуазный*, *контрреволюционный*, *империализм*. Очевидно, нет, если их рассматривать как лексические единицы языка или даже как компоненты определенного текста. Никакой оценочной модальности, мотивированной интралингвистическими средствами, вычленить в данном случае невозможно. В ином свете данная ситуация

представляется, если указанные единицы рассматривать не как собственно лексические единицы, а как идеологемы, т.е. единицы, взятые в аспекте семиотики, лингвопрагматики и – шире – лингвогносеологии. Как уже неоднократно подчеркивалось, адекватное восприятие идеологем немислимо вне метаконтекста. Для раскрытия их лингвокогнитивной сущности необходимо реконструировать концептосферу эпохи их наиболее активного функционирования и восприятия. Так, несомненно то, что пик актуализации идеологем *буржуазный, контрреволюционный, империализм* приходится на прагматический дискурс советской эпохи, тот дискурс, идеологические приоритеты в составе которого определены предельно жестко. Каждая из обозначенных единиц обретает здесь четко выраженный аксиологический фон, становится пейоративно маркированной. Следовательно, в условиях данного социокультурного метаконтекста указанные идеологемы получают заранее заданные смысловые параметры (суть которых может быть раскрыта в пределах традиционного концепта «Свой/Чужой»), и любой обычный контекст, выполняя функции мини-дискурса, в большом идеологическом контексте советского хронотопа будет последовательно реализовывать задачи общей, выше обозначенной идеосферы

В **заключении** обобщаются наблюдения и выводы диссертационного исследования в соответствии с представленными в начале работы целями и задачами. Итоговый результат исследования можно представить в виде следующих тезисов:

- 1) идеологема, как единица неоднородная, имеющая двойную конвенциональность (языковую и внеязыковую), наиболее точно раскрывает свою сущность в лингво-семиотическом аспекте – в соответствии с концепцией мифологий Р. Барта. В данном случае следует говорить о построении модели идеологемы как знаковой формы, спроецированной на вербальную основу. Соответственно идеологема – конкретное знаковое образование с двойным означаемым: одно означаемое естественное, первичное, имеющее языковую природу, другое – мифологизированное, вторичное, закрепленное внешней идеологической конвенцией;
- 2) толковый словарь, рассматриваемый исследователями в широком, лингвогносеологическом аспекте, включающем и совокупность репрезентированной языковой информации, и идеологический контекст эпохи, приобретает дискурсивные свойства и позволяет с наибольшей полнотой эксплицировать заложенное в нем содержание. История отечественной лексикографии четко выделяет в своем составе три значимые в этом смысле эпохи: досоветскую, советскую и постсоветскую. Все они объединены несомненной научной традицией и различны по способу

представления идеологически значимой информации (состава идеологем).

- 3) Для досоветского лексикографического дискурса характерно, наряду со многими точными и лаконичными наименованиями, значительное использование мелиоративных средств, причем на трех уровнях: графическом, лексическом и стилистическом. Советской лексикографической традиции присуще заметное отступление от принципов научной объективности. Неоправданное расширение дефиниций, монтаж и фокусировка семантической информации, тенденциозно подобранный цитатно-иллюстративный материал - все эти приемы являлись типичными при интерпретации плана содержания идеологически обусловленных слов и словосочетаний. С другой стороны, в пределах советского идеологического дискурса такая форма знания оказывалась истинной. Наименьшую степень идеологизации продемонстрировали словари постсоветской эпохи – времени, когда влияние идеологии существенно ослабло и словарные дефиниции, поясняя лексическое значение, не выходили за пределы понятийного содержания слова.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Идеологическая обусловленность толковых словарей и ее преодоление при обучении русскому и национальному языкам // Вторые Вавиловские чтения. Материалы постоянно действующей Всероссийской междисциплинарной научной конференции. Ч. I.- Йошкар-Ола, 1997. - С.263-264.
2. Коннотация как средство идеологического воздействия в микроструктуре толкового словаря- Т. I. // Семантика языковых единиц. Материалы VI международной конференции.- Москва, 1998. - С.136-138
3. Гносеологический аспект обучения иностранных слушателей русскому языку. // Европейские исследования: проблемы и перспективы развития: Материалы Европейской региональной конференции. – Йошкар-Ола, 1998. - С.170-171.
4. Специфика выражения лексической модальности в политической речи современной прессы// III Вавиловские чтения: Диалог наук на рубеже XX-XXI веков и проблемы современного общественного развития. Йошкар-Ола: МарГТУ, 1999. - С.305-306.
5. Семантико-прагматический компонент в практике заимствований // XXII-е Дульзоновские чтения: Сравнительно-историческое и

- типологическое изучение языков и культур. – Томск, 2000. - С.204 – 206
6. Концепт-клише **революция** и его роль в формировании соответствующего лексического значения // IV Вавиловские чтения: Диалог науки и практики в поисках новой парадигмы общественного развития России в новом тысячелетии. - Ч.2. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2000. - С.167-169
 7. Отражение внеязыковых ценностных категорий в плане содержания словаря // Бренное и вечное: проблемы аксиологии в развитии наук и культур. –Ч.2. – Великий Новгород, 2000. - С. 46-47.
 8. Когнитивный подход: от микротекста к гиперконтексту // V Вавиловские чтения: Мировое сообщество и Россия на путях модернизации. - Ч.1. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2001. - С.128-130
 9. Средства речевого воздействия в казанской периодике 1917 – 1918 гг. // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. Т.2. – Казань, 2001. - С.177-178
 10. Эмпирическое поле лексикографии как источник ментальных обобщений // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н.Головина: Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 85-летию профессора Бориса Николаевича Головина. – Н.Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2001. – С. 120-123.
 11. Стереотипизация языкового сознания в рамках идеологической модели мира // VI Вавиловские чтения: Россия и мировое сообщество на путях модернизации. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2002. - С. 32-33.
 12. Психосемантическая роль стереотипов в организации идеологического универсума // Актуальные проблемы современного научного знания VI Вавиловские чтения: Сборник научных статей. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2003. - С. 199-205.
 13. Лингвогносеология: контуры нового междисциплинарного образования // Актуальные проблемы межъязыковых и межкультурных контактов: Материалы региональной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения профессора Л.П. Грузова. – Йошкар-Ола, 2003. - С. 65 –70.
 14. Дискурсивная интерпретация феномена толкового словаря // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: труды и материалы: В 2 т. – Казань: КГУ, 2003. – Т. 1. – С. 142-144.